

ПОКА ДЕРЖИТ ВОДА

18+

Илья Мелешенков

Пока держит вода

«Автор»

2026

Мелещенко И.

Пока держит вода / И. Мелещенко — «Автор», 2026

Сто лет назад ледяная комета столкнулась с Луной. Её обломки обрушились на Землю, океан поглотил большую часть суши, а принесённое кометой вещество вызвало мутации морских обитателей. Теперь люди живут в плавучих поселениях и городах на старых кораблях. В глубине под ними охотятся чудовища. Плавучее поселение Створ больше нельзя удержать на прежнем месте. Жителям предлагают переселиться в большой порт, но дома придётся оставить. Водолаз Марк Вешин обещает другой выход — перевезти сами дома через открытое море. Он даёт слово раньше, чем узнаёт, возможен ли переход. Поиски ведут Марка к затопленным сооружениям, где за пределами света движется что-то живое. Впереди — путь через воды, в которых встречаются существа размером с судно. Соседи верят ему и отказываются от других шансов. Каждая ошибка может стоить им жизни. И прежде чем снова просить людей рискнуть, Марку предстоит решить, чем он готов пожертвовать сам.

© Мелещенко И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая Стоянка	5
Глава 1 Сухой отсек	5
Глава 2 Чужие вещи	10
Глава 3 Низкий док	15
Глава 4 Под нижней галереей	21
Глава 5 Временные места	25
Глава 6 До следующего рейса	30
Часть вторая Чужой запас	35
Глава 7 Окна под водой	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Илья Мелещенко

Пока держит вода

Часть первая Стоянка

Глава 1 Сухой отсек

Марк опустил грузик в мерную трубку и услышал, как тот стукнул о дно. Шнур вышел сухим.

Он вытер ладонь о колено, протянул шнур между пальцами ещё раз. На нём была старая серая пыль, такая же, как вчера. Вода в отсек не поступала.

— Ну? — спросила Фаина.

Она стояла над ним в кухонном переднике, придерживая дверь бедром. Из-за двери тянуло тёплым кислым тестом. Чтобы добраться до крышки, пришлось передвинуть её стол, и теперь две ножки стояли в проходе. Фаина смотрела на них, а не на Марка.

— Сухо.

— Я тебе и говорила.

Снаружи, под окном, плеснула вода. За последние полчаса она начала доставать до нижней ступеньки.

Марк закрутил крышку. Пальцы скользили по граням, и Фаина подала полотенце — хорошее, с выцветшими зелёными полосами. Он уже взялся за него, когда заметил, что угол обшит вручную.

— У тебя ветошь есть?

— Теперь это ветошь. Крути.

Марк затянул крышку и вернул стол на место. Выдвижной ящик медленно поехал наружу. Фаина толкнула его коленом, подождала и, когда он снова приоткрылся, заткнула щель сложенной тряпкой.

На наружной площадке ждала Сана. Она сидела на ящике со снаряжением, зажав под мышкой тонкую папку. В щели между понтонами шевелилась коричневая пена. По соседнему переходу шли трое рабочих, и каждый переступал через поднявшийся край настила, не глядя под ноги.

— Последний? — спросила Сана.

— Последний.

— У меня тоже пусто. Баки по вчерашнему уровню. Груз ночью не принимали.

Она открыла папку на колене. Вчерашняя осадка была записана карандашом, сегодняшняя — поверх карандаша красными чернилами. Разница по внешнему углу составляла восемь сантиметров. Для дома Фаины это пока значило только кривую площадку и воду под ступенькой. Марку хотелось найти объяснение, которое оставило бы всё в этих пределах.

Он посмотрел на соседний понтон. Тот поднимался на мелкой зыби свободно, а двенадцатый задерживался, будто снизу за него держались. Вчера Марк списал задержку на соединения перехода. Соединения ночью распустили. Лучше не стало.

— Внизу посмотрим, — сказал он.

— Сначала людей с внешнего ряда.

Фаина слышала их из кухни.

— До вечера-то можно?

— Нет, — ответила Сана.

Марк хотел добавить что-нибудь помягче, но Фаина уже сняла с крючка сумку.

— У дочери плитка на одну кастрюлю. Я туда с этим не полезу.

Она показала на таз под полотенцем. Тесто поднялось выше краёв, и ткань надулась посередине.

— В столовой поставим, — сказал Марк.

— Там жарко. Перекиснет.

— В кладовке.

— А если кто сядет?

Сана закрыла папку.

— Я сама отнесу. Никто не сядет.

Фаина помолчала. Потом велела Марку взять с верхней полки банки, которые не могла достать.

Пока они выносили вещи, на двенадцатом начали закрывать ставни. Никто не объявлял тревогу на весь Створ. Двое из службы переходов прошли по внешнему ряду, поговорили с жильцами, помогли женщине, у которой с утра болели колени. Мальчик с белым ведром пытался поймать рыбу на затопленной ступеньке. Ему сказали подняться; он поднялся на одну ступень выше.

Марк взял его за ворот и переставил на сухой настил. Потом закрыл решётку лестницы. Нижний прут выгнуло наружу; пришлось дважды толкнуть створку, прежде чем засов вошёл на место. В ведре плескались две прозрачные рыбки.

— Это не наши, — сообщил мальчик.

— Тогда особенно не корми.

— Я и не кормлю.

Марк оставил его у двери, за которой кто-то отозвался, и пошёл к рабочему катеру.

Катер назывался «Лот». Название когда-то вывели белыми буквами на синем борту, но после последнего ремонта от него осталось только «от». Сана отказалась тратить краску на первую букву: все и так знали, чья лодка.

Егор уже разложил на корме снаряжение и опустил по сторонам спусковой лестницы защитные щиты. Между ними оставался проход к нижним ступеням. Резервный баллон лежал под ремнями, запасная маска — в открытом ящике. Сам Егор был в костюме до пояса. Он подтягивал лямку так медленно, будто от этого зависело, насколько жарко ему будет ждать.

— Станции подтвердили? — спросила Сана, спускаясь за Марком.

— Забор закрыт, насосы отделили. На щите замки. Связь проверена.

— Не «закрыт» со слов сменщика?

— Я ходил.

Сана кивнула и ещё раз посмотрела на бумагу, лежавшую возле пульта. Марк сел на край скамьи. Он любил эту часть работы, когда всё ещё можно было исправить на воздухе: поменять неудобный ремень, попросить другой фонарь, признаться, что под манжетой что-то давит. В воде те же мелочи начинали отнимать время и силы.

Егор помог ему надеть подвеску. Под левую пряжку попала складка костюма; Марк высвободил её, не дожидаясь вопроса. Сана провела ладонью по линии, уходившей к маске, и убрала её с острой кромки ящика.

— По наружному борту. Под низ далеко не лезешь, — сказала она. — Если дело в связи, только осмотр.

— Знаю.

— Мне тоже полезно это услышать.

Он посмотрел на неё. Сана ждала.

— Только осмотр, — повторил Марк.

Когда он вошёл в воду, шум Створа сразу пропал. Осталось собственное дыхание, сухой треск в наушнике и глухие толчки, приходившие через корпус катера. Верхний слой воды был тёплым. Ниже холод пробрался под костюм, и Марк поправил ворот, хотя знал, что это не поможет.

Борт двенадцатого уходил вниз серой стеной. Над ватерлинией его подкрашивали каждый год, под водой ремонтировали отдельными пятнами, и переход от одного времени к другому можно было проследить рукой. Свежая заплатка, шероховатый старый бетон, полоса гладкой обшивки возле трубы. На одной из латок Егор в прошлом сезоне нечаянно оставил отпечаток колена.

Марк посветил вдоль шва. Из щели показались тонкие ножки и сразу исчезли. Вниз медленно опускался кусок капустного листа. Его догнала мелкая рыба, откусила и уступила место второй.

— Видимость? — спросила Сана.

— До угла вижу. Дальше муть.

Он обогнул понтон. У днища висела рукавица, зацепившаяся большим пальцем за скобу. Марк узнал её: толстая, с оранжевой полосой, из тех, что выдавали в сушильне. Он снял рукавицу и сунул в сетку для мелочей.

Внешний шов был цел. У доступных кромок не было свежего излома, вокруг заглушек сохранился ровный налёт. По следам старого ремонта Марк добрался до кормового узла и остановился.

От крепления уходил вниз новый стальной трос.

Три старые связи были тёмными, с белыми наростами возле скоб. Новая отличалась даже в тусклом свете: на изгибе сохранился металлический блеск. Её закрепили ниже штатного отвода, на ремонтном хомуте. Такой хомут позволял поставить усиление, не разбирая узел; Марк сам делал похожие. Только эта связь шла под слишком крутым углом.

— Сана, у меня дополнительная тяга.

— В твоём наряде её нет. Не трогай, я проверю журнал смены.

Марк подвёл фонарь сбоку. Трос натянулся, едва понтон попытался подняться на зыби. Петля повернулась в скобе и открыла светлый полукруг стёртого металла. Сам хомут оставался на месте.

— Она его топит, — сказал он.

В наушнике щёлкнуло.

— Повтори.

— Тяга держит за кормовой узел вниз. Не течь. Его тянет.

Он не стал касаться троса. Рядом с натянутым металлом ему всегда хотелось уменьшиться, убрать локти, отвести голову дальше. За дыханием и треском связи он не мог разобрать, скрипит ли узел. Оставалось смотреть.

— Нашла запись, — отозвалась Сана. — Поставили вчера, после твоей смены. Временное усиление к старому молу. Подпись Ластовой. После смещения внешней опоры.

— Когда сместилась?

— Позавчера ночью.

Марк посмотрел в сторону мола. Трос пересекал свет фонаря и терялся в зеленоватом тумане. Вчера он полдня искал воду в сухих отсеках.

— Мне нужен нижний конец.

Сана не ответила сразу. Он слышал, как она разговаривает с Егором, но слов не разобрал.

— С наружной стороны. Под плиту не заходишь. По линии хватает. Я держу катер здесь.

Марк пошёл вниз, сохраняя расстояние от троса. Двенадцатый понтон остался сверху и слева. Между ним и старым молом висела сеть оборванных верёвок; несколько держали пустые рамы от моллюсковых корзин. Дальше открывалась вода, где луч уже не находил ничего.

На глубине стены мола стали темнее. Зелёная бахрома сменилась бледными трубками. Венечники облепили неподвижный бетон так густо, что местами нельзя было различить форму сооружения. Из каждой трубки торчал веер тонких щупалец. Они шевелились не вместе: один подхватывал поток, другой складывался, третий был неподвижен. Марк держал фонарь в стороне, чтобы не засветить себе всю эту близкую белизну.

Он задел ластой свободный конец верёвки. Верёвка хлестнула по стене, и веера исчезли.

На мгновение весь мол облысел. Там, где только что двигалась живая бахрома, остались отверстия. Из темноты между ними вытянулась рыба, почти такая же прозрачная, как пойманные мальчиком. Она развернулась и ушла вдоль бетона.

Первые веера раскрылись в стороне от него. За ними остальные. Марк отвёл фонарь от живой стены и поискал балку, к которой шёл трос.

— Что там? — спросила Сана.

— Спустился к траверсе. Восемнадцать.

Нижнее крепление оказалось на старой стальной балке, проходившей сквозь бетонную тумбу. Балку много лет использовали как якорный узел. Вокруг неё венечников когда-то считали, оставив ровное углубление, но теперь белые трубки почти закрыли его снова.

Свежая трещина шла ниже.

Марк заметил её по чистому краю. Внутри бетон был светлым, без налёта; с нижней стороны висела тонкая прядь ржавой арматуры. Между краями помещался бы палец. Он не стал проверять.

— Основание расколото, — сказал Марк. — По наружной стороне. Под нижней полкой.

— Можешь снять?

Он закрепил фонарь и поднял камеру. Экран на её тыльной стороне запотел с одного края, но красная точка записи горела. Марк провёл объективом вдоль трещины, затем отодвинулся, чтобы снять балку целиком и нижнее крепление уходящей к понтону связи.

Над ним что-то глухо стукнуло.

Он замер. Трос изменил угол совсем немного. В щели под балкой появилась взвесь, высыпалась из трещины и понеслась вдоль стены. Марк отступил ещё. На белом наросте, который секунду назад был цел, лежала свежая серая крошка.

— Сана, движение. Ухожу от опоры.

— Приняла. Егор готов.

Он развернулся к открытой воде. Линия шла свободно, не цепляясь за корзины. До борта двенадцатого было несколько метров, но под него Марк больше не возвращался. Он поднялся вдоль наружной стороны, остановился там, где требовал план, и смотрел на ступеньку Фаины, видимую снизу сквозь дрожащую поверхность.

Появилась рука. Кто-то забрал таз со ступеньки.

На катере Егор сперва взял камеру, затем помог Марку выбраться. Сана отключила связь только после того, как увидела его лицо. Воздух показался тёплым и тесным; он слишком глубоко вдохнул, закашлялся и раздражённо отмахнулся от протянутого полотенца. Потом забрал его.

— Где движение? — спросила Сана.

— В самом основании. Тяга держит дом за кусок мола, который отходит.

Она посмотрела на экран камеры. Егор наклонился к ним; Сана подождала, пока Марк покажет второй фрагмент, с высыпавшейся крошкой.

— Срезать нельзя, — сказал Егор.

— Нельзя, — ответил Марк. — Сначала перенести нагрузку. И соседние связи проверить.

Он снял рукавицу, поправил натёртую манжету. На костяшке выступила кровь — порезался уже на палубе о край крепления и даже не заметил. Егор достал полоску чистой ткани.

У перехода стояла Вера Ластова.

Она пришла без куртки, в коротком рабочем халате. На подоле темнела вода, а один рукав был закатан выше другого. За ней двое рабочих укладывали на тележку свёрнутую стропу. Вера не стала звать Марка наверх; спустилась в катер, села на освобождённый ящик.

— Покажи, — сказала она.

Марк протянул камеру.

Вера смотрела молча. В какой-то момент она подняла палец, попросив остановить запись. На экране трещина выглядела тонкой чёрной царапиной, в которую трудно было поверить после всего, что Марк видел в воде.

— Вы вчера усилили? — спросил он.

— Да.

— Мне бы знать.

— В вечернем журнале есть.

— Я с нарядом спускался.

Вера ещё раз посмотрела на экран.

— Наряд надо было заменить. Я не проверила.

Она вернула запись на несколько секунд назад. Марк приготовился объяснять угол, но Вера уже увидела.

— Вода поднимается, — сказала она. — Усиление тянет сильнее.

— И основание идёт.

— Вижу.

Марк ждал вопроса о ремонте, о том, сколько людей надо, можно ли дотянуть до ночи. Вера вместо этого попросила Сану передать рабочим, чтобы стропу пока не разматывали.

— На соседнюю опору не перегружать, — добавил Марк.

Вера кивнула. Сана вышла на связь.

Со стороны столовой донёсся звон посуды, потом смех. Через переход медленно катили Фаину тележку. Таз с тестом лежал сверху, закутанный в одеяло, хотя Фаина говорила, что ему будет жарко. Рядом шла её дочь и держала две стеклянные банки, от которых побелели пальцы.

Марк поднялся, чтобы помочь. Вера поймала его за край подвески.

— В одиннадцать у меня. С записью и схемой.

— Я соседние узлы посмотрю.

— Посмотрит другая смена. Ты принеси то, что уже видел.

Она выпустила ремень.

Марк выбрался на площадку и забрал банки. Фаина остановила тележку.

— К вечеру обратно?

Он посмотрел на её кухонное окно. За стеклом осталась жёлтая занавеска, на подоконнике — чашка с ложкой. Вчера, уходя, он сказал ей, что надо только найти течь.

— Сегодня не возвращайся, — ответил Марк.

Фаина поправила одеяло на тазу и поехала дальше. Ему пришлось поспешить: с банками в обеих руках он не мог придержать её тележку, а переход впереди шёл под уклон.

Глава 2 Чужие вещи

К одиннадцати Марк успел вымыться, переодеться и дважды посмотреть запись. Во второй раз он выключил экран до того места, где из трещины посыпалась крошка. Крошка не сообщала ему ничего нового.

В мастерской было жарко. Солнце нагрело восточную стену, и развешанные вдоль неё костюмы пахли резиной. Марк открыл обе створки верхнего окна. Из дока потянуло железной пылью и варёной рыбой: кто-то разогревал обед рядом с точилом, хотя до перерыва оставалось ещё долго.

На верстаке лежал разобранный ручной насос Дины. Она принесла его три дня назад, пожаловалась на воду возле основания и попросила не растягивать до зимы. Марк вынул заготовку уплотнения из-под прижимной доски, посмотрел на свет. Край ещё требовалось подрезать. Он положил её обратно.

Вера ждала у сухой камеры.

За её спиной над рабочими мостками висела корма буксира «Ива». Вынутый гребной вал лежал на подставках; двое мастеров мерили его возле шейки. Снизу корпус казался нелепо узким для надстройки, которую ему полагалось нести. Марк всегда испытывал это лёгкое недоверие к судну, вытащенному из воды, хотя знал каждую причину, по которой оно держалось на плаву.

Вера разложила схему на борту старой ванны. В ванне хранили обрезки труб.

— В кабинете люди, — объяснила она. — Здесь слышно лучше.

Словно в подтверждение, наверху запустили шлифовальную машину. Они подождали, пока она остановится.

На схеме Створ выглядел аккуратно: двенадцать прямоугольников, док, грузовая площадка, ряды ферм. В настоящем городе между этими прямоугольниками теснились пристройки, сушильные навесы и чьи-то лестницы. Они появлялись по одному, обычно с разрешения, и на общей схеме для них не находилось места.

Вера провела пальцем от двенадцатого понтона к молу.

— Вчера ты проверил отсеки. Мы исключили течь и после твоей смены поставили дополнительную связь. На малой воде, с запасом. Это основание считалось целым: последняя запись шесть недель назад. Ночью оно тоже пошло. Дежурные увидели новую осадку и решили, что теперь всё-таки открылся шов.

— Со вчерашним нарядом.

— Да. В вечерний журнал внесли, наряд не заменили. Мне нужно было проверить.

Марк положил ладонь на бумагу. Между пальцами осталась старая линия, которой в воде уже не было.

Вера повернула схему.

— Здесь можно временно отвести усилие через внешние точки. Ребята считают. Но просто отпустить трос нельзя: двенадцатый начнёт прижимать к переходу и одиннадцатому. Там зазора почти не осталось.

Марк посмотрел на её пометки. Рядом с новой линией стояли два вопросительных знака.

— Южное крепление кто смотрел?

— Смотрят сейчас. Пока не увидят, ничего на него не даём.

— Если выдержит, на сколько хватит?

— Этого я тебе сейчас не скажу.

Она перевернула схему. На обороте были прошлые осмотры. Возле четырёх точек стояли кресты, возле ещё двух — вопросительные знаки.

— Восточный край проседает с зимы, — сказала Вера. — Две северные связи уже сняли. Остальные приняли их нагрузку. Ты думаешь, почему двенадцатый вчера осел? Перекладываем с одного места на другое, а основания у нас одни и те же.

— Новые донные якоря?

— Кран, которого нет. По последнему ответу освободится через месяц. Потом работа. Нужна спокойная вода, чтобы всё поставить и проверить. Сезон нагонов начнётся раньше.

Она обвела участок карандашом. Линия захватила почти весь старый мол.

— Я не знаю, сколько он ещё простоит. Но зимовать здесь не разрешу.

— Мне нужно твоё заключение, — сказала она. — Сегодня отправляем сводку.

— Для Кромки?

— Для нас. И для них тоже.

Шлифовальная машина снова завывала. Вера сложила схему пополам, чтобы её не засыпало пылью. Работавший наверху человек заметил их и выключил инструмент.

— Не ждите, — крикнула ему Вера. — Мы отойдём.

Они вышли на наружный мосток. Внизу у стенки дока покачивался один из вспомогательных поплавков — длинный, низкий, с двумя служебными люками. На его палубе сушили свежеевыкрашенные решётки. С противоположной стороны находился такой же. Ещё два стояли у дальнего конца камеры. Марк однажды провёл внутри одного почти весь день, меняя крепёж в тесном боковом объёме. Наутро ему приснилось, что стены там сблизились и он не может развернуться.

— Мы могли бы взять крылья, — сказал он.

Вера облокотилась на перила.

— Я ждала, когда ты предложишь.

— Их четыре.

— Вижу.

— Двум тяжёлым домам на переход хватило бы поддержки. Если убрать верхние пристройки и проверить узлы.

— Если. А «Иву» мы будем заканчивать где?

Марк посмотрел на корму буксира. С мостка было видно, как мастер, сидя на корточках, медленно поворачивает вал на подставках.

— Сначала закончить.

— Потом придёт «Вьюн». Потом разгружаем и усиливаем жилые понтоны. Все работы, для которых нужен док. Эти поплавки держат его в нужном положении, Марк. Их можно снять, когда от дока останется то, что нам уже не нужно.

— Я знаю, что они держат.

— Тогда знаешь и цену. Камера в таком виде в море не пойдёт. Её придётся разбирать. Станочные основания, тяжёлую раму, нижние пути мы не вывезем. И зарабатывать после перехода будем тем, что уместится на лодках.

Он провёл большим пальцем по перилам. Краска легла на подушечку белым порошком.

Его мастерская занимала узкую полосу между общей инструментальной и северной стенкой. Десять лет он платил за место, заменял плохие трубы, выправлял верстак и собирал станок, которому никогда не хватало сразу всего. Теперь станок работал. Марк мог взяться за мелкий заказ и примерно знать, сколько времени на него уйдёт. Даже шум соседей стал полезным: по нему он понимал, свободно ли точило и когда выключат общий воздух.

— Кромка заберёт станки? — спросил он.

— Те, что можно снять. Людей возьмут по договорам. Жильё дают. Первое время артельное.

— А дома?

— Дома там некуда ставить. Стоянка занята. Им нужны работники и оборудование.

Свой участок на уцелевших островах могли позволить себе немногие; в портах жильё для переселенцев обычно шло вместе с работой.

— А Северный карман?

— Туда и можно вести дома. Я писала ещё летом. Предлагают участок в бассейне, у старого мола. Разрешение на обследование есть. Крепления за наш счёт, вода отдельно. Корпуса придётся очистить перед входом. Под целый Створ места нет.

— Шестьдесят миль.

— Шестьдесят до места, где нам придётся строить хозяйство заново. В Кромке оно уже работает.

Марк развернул схему к себе. До Кармана он прежде ходил только на небольших судах. На карте между двумя стоянками не было ни одного места, где можно было бы спрятать весь город.

Внизу проплыла связка пустых корзин. Рабочий на плоскодонке цеплял их длинным крюком и тянул к ферме. Марк подождал, пока корзины перестанут стукаться о борт дока.

— Низкий док, — сказал он. — Там хранили разъёмные поплавки.

— В реестре шесть секций. Последний осмотр семь лет назад.

— Шесть секций — это не четыре крыла. Их можно ставить по отдельности.

— Если они ещё пригодны.

— Вот я и посмотрю.

Вера вынула из сложенной схемы другой лист. Марк узнал старую копию с потёками по нижнему краю. Он работал по ней однажды, ещё до собственной мастерской, когда в Низком доке снимали медные кабели. Тогда поплавки не тронули: для обратной буксировки не хватало ни судов, ни заказа.

— Там сейчас хозяйства, — сказала Вера. — Орлова держит рассадку для моллюсковых ферм. Покупаем у них через посредника. На часть старого оборудования у нас доля, но люди за эти годы тоже кое-что построили. Я связалась с ней утром.

— Она продаёт?

— Она согласилась говорить.

Марк взял лист. Пятна закрывали часть надписей, но вход в старую ремонтную акваторию ещё был виден.

— Катер, воздух, Егор, Сана. До вечера второго дня, если ничего сложного.

— С Саной сам договорись. Я дам обследование. Подъём — отдельное решение.

— Понятно.

Вера не отпускала лист.

— И ещё. Двенадцатый поднимется, когда его перестанет тянуть. До прежней отметки. Прежняя отметка для моря плохая. Не говори людям, что после сегодняшней работы всё закончится.

— Я такого не говорил.

Она отпустила бумагу.

На кухне у Дины исчезли два стола.

Марк сначала решил, что их вынесли для жителей двенадцатого. Вместо столов стояли пустые ящики, перевязанные попарно; на стене, где висела полка, осталось светлое прямоугольное пятно. Дина чистила рыбу над мойкой. Увидев брата, она подвинула локтем миску.

— Ешь, пока не убрала.

Он сел на единственный свободный стул. В миске были густая похлёбка, кусок рыбы и ломоть вчерашнего хлеба, размокший с одного края. Марк предпочитал сухую корку и перевернул ломоть. Дина заметила.

— С другого края такой же.

— Спасибо, что предупредила.

Она усмехнулась и вернулась к рыбе.

Здесь он мог поесть, не покупая чужого внимания к утренней аварии. Дина знала, что он работал на двенадцатом; если бы кто-нибудь погиб, об этом уже говорили бы в каждой кухне. Остальное могло подождать, пока он проглотит первую ложку.

Марк ел и смотрел на пустую стену. На одном из оставшихся крючков висела связка верёвок для ящиков.

— Столы кому отдала?

— Один Фаине. Второй забрали утром.

— Из переходной службы?

— Купили, Марк.

Он опустил ложку.

Дина подняла рыбу за хвост, проверила брюшко и положила на чистую сторону доски. Ей было удобнее продолжать работать, чем ждать, пока он подберёт следующий вопрос.

— А полку?

— Тоже.

— Куда ты всё переставишь?

Она повернулась к нему.

— Никуда.

За стеной двое спорили о длине рукава. Один уверял, что шесть локтей, другой требовал мерную ленту. Дина вымыла нож, провела пальцем по обуху и положила на сушилку.

— Я подписала договор с кухней в Кромке. На два сезона. Жильё при верфи. Хочу попасть на транспорт, который придёт через одиннадцать дней.

Марк посмотрел на её печь. Перед топкой стояли три противня, подготовленные к вечерней выпечке.

— Я завтра еду в Низкий док.

— Вера сказала.

— Там секции. Если состояние нормальное, можно вывезти больше домов.

— Хорошо.

— Твоя печь на внутренней площадке. Её бы не пришлось разбирать.

Дина взяла со стола счётную книжку. Между страниц лежали нитка и маленькая плоская кость, которой она поддевала присохшие листы. Она нашла нужную запись и развернула к нему.

Внизу стояла её подпись.

— Я не сегодня решила.

Марк не стал читать мелкий текст. Он увидел дату: за три недели до аварии на двенадцатом.

— Могла бы сказать.

— Я говорила. Ты пообещал к осени сделать второй вытяжной короб.

Он вспомнил разговор. Дина сидела с ним на пороге, жаловалась, что устала мыть стены от копоти. Он тогда действительно придумал, как провести трубу через боковой навес, не разбирая крышу. Даже принёс на следующий день два колена.

— Я думал, тебя вытяжка достала.

— Она тоже достала.

Дина убрала книжку. Поставила перед ним банку солёных листьев, которой не было на столе с начала обеда.

— Два сезона — это долго, — сказал Марк.

— Я здесь двадцать три года готовлю. Дольше.

— Там тебе будут указывать, что готовить.

— Здесь мне тоже указывают. Только ещё и в долг едят.

Он хотел возразить, но она рассмеялась первой, совсем коротко. Марк доел хлеб.

Дина не расспрашивала, поедет ли он с ней. Марк покрутил ложку и положил её в пустую миску.

— Насос сделаю сегодня, — сказал он.

— Сделай. Покупатель придёт послезавтра.

Марк поднял голову.

— Ты и насос продаёшь?

— А его мне куда?

Она начала складывать вымытую посуду в ящик, прокладывая крышки старой тканью. У Марка с собой была схема Низкого дока. Он вынул её, собрался развернуть на освободившемся краю стола, но Дина поставила туда ещё один ящик. Марк убрал схему.

После обеда они вдвоём сняли оставшуюся полку. Шурупы закисло, и один пришлось вывернуть вместе с куском дерева. Марк по привычке предложил вставку, на что Дина сказала, что покупатель всё равно укоротит полку. Он сложил хороший крепёж в жестянку, плохой хотел выбросить. Дина забрала и его.

— Пусть сам решает.

Когда Марк вернулся к двенадцатому, там работала другая бригада. Под контролем с воды понтон отводили от опасной опоры. Сана наблюдала с «Лота», слушая сразу два канала. Марк остановился на верхнем переходе, чтобы не путаться под ногами.

К вечеру наружный угол поднялся. Нижняя ступенька Фаины снова оказалась над водой. На борту появилась вчерашняя карандашная риска. Заводская отметка оставалась под водой, как и до аварии.

Жильцы собрались за ограждением. Кто-то спросил, можно ли вернуться за одеялом. Рабочий ответил, что по одному и с провожатым. Фаина сразу подняла руку.

Сана выбралась на переход и протянула Марку его папку.

— Я поеду, — сказала она. — Но мне нужен отдельный наряд на каждый подъём. И никакого «раз уж мы здесь».

— Завтра только осмотр.

— Запишем.

Она достала карандаш.

Марк смотрел, как Сана вписывает задачу на чистой строке, и чувствовал знакомое нетерпение. Ему казалось, что надо уже быть там, в восемнадцати милях отсюда, и видеть своими глазами шесть поплавков. Тогда можно было бы наконец перестать обсуждать, кому что придётся бросить.

Сана поставила время выхода и отдала ему карандаш. Он прочёл запись, прежде чем расписаться.

Глава 3 Низкий док

Они вышли до открытия кухни. Дина оставила Марку свёрток в ящике для хлеба; внутри оказались три лепёшки, солёная рыба и маленькая банка кислых слив. На крышке она написала: «Банку вернуть». Марк поставил её в сетку над скамьёй, где банки обычно доживали до конца рейса.

Последние фермы Створа проплыли мимо в сером утреннем свете. Над квадратами сеток торчали низкие поплавки. Человек в лодке поднимал одну из рам, стряхивал воду и рассматривал её с таким вниманием, будто они проходили мимо чьей-то комнаты. Сана отвела «Лот» дальше от его верёвок.

Через полчаса за кормой ещё были видны мачты ветряков. Затем на их месте осталась неровность горизонта. Егор долго смотрел назад, стоя у борта с кружкой.

— Первый раз? — спросил Марк.

— В эту сторону — да.

— Дальше будет старый маяк. Только нижняя половина. По правую руку.

Егор кивнул, но продолжал смотреть назад.

Марк развернул схему. Низкий док находился в стороне от нынешнего грузового пути, на краю длинной мелководной банки. До Потери берегов там была ремонтная акватория, защищённая двумя молами.

Около ста лет назад ледяная комета врезалась в Луну. Часть обломков кометы достигла Земли; океан резко поднялся над прежними берегами. Вместе со льдом в воду попало вещество, вызвавшее быстрые мутации морских животных. Некоторые виды за несколько поколений изменились до неузнаваемости. На одном из старых снимков дока мальчишки сидели на краю настила, свесив ноги в воду. Марк в детстве долго искал под ними защитную сетку.

Теперь один мол был разрушен, другой почти весь ушёл под воду. На старом плане между ними оставался широкий проход; в более поздней копии его пересекали три кривые линии с пометкой о затонувших конструкциях.

Сана заглянула через его плечо.

— Я по этому плану однажды не в тот проход вошла. Наружную стенку давно разобрали.

— Здесь она целая.

— Вот и я так думала. Хорошо, рыбак махнул.

Марк поставил на копии пометку, убрал лист в папку и достал дощечку для записей.

Море было спокойным, но «Лот» всё время двигался — приподнимал нос, проваливался, уходил чуть в сторону. На стоянке Марк редко замечал это движение. Здесь ему пришлось прижать локоть к борту, чтобы провести на дощечке прямую. Когда линия всё-таки получилась кривой, он оставил её как есть.

Солнце поднялось над низкой дымкой. Сана отдала Егору руль и села рядом с Марком. Они съели по лепёшке. Третью оставили в свёртке: Егор ел медленно, откладывая каждый кусок, когда требовалось поправить курс.

— «Ива» когда выходит? — спросила Сана.

— Обещают через три дня.

— Обещают или нашли втулку?

— Делают.

— Тогда через три дня ещё раз спросим.

Сана отделила от рыбы хребет и положила его в бумагу.

— Мне ответили с северных ферм, — сказала она. — На полтора месяца берут. Только обследование, ремонт потом другие делают.

— Когда?

— Через месяц. Катер оплачивают отдельно. Камеру надо свою, на длинном кабеле. У Риты как раз такой комплект.

— Нам бы сейчас такую.

— Мне тоже.

Она протянула руку за лепёшкой, которой у него уже не было.

— Рыбы дай.

После маяка вода изменила цвет. Сначала Марк решил, что они проходят над пятном водорослей. Потом тёмное пятно вытянулось поперёк курса.

Сана встала.

— Малый ход.

Егор убрал тягу. Шум стал ровнее и тише.

Под поверхность шла длинная светлая складка. Она появлялась, исчезала и снова становилась видна, уже с другой стороны катера. Марк не мог понять, где начинается тело. Один край был слишком далеко от другого. В солнечной воде различались бледные поперечные полосы, за ними — пустота, сквозь которую будто просвечивало море.

— Складень? — спросил Егор.

— Похоже, — сказала Сана.

Марк смотрел вниз. То, что он принял за конец животного, повернулось и оказалось краем широкой лопасти. Под ней клубилась мелкая взвесь. В неё входили рыбки; несколько выскочили обратно и рассыпались в стороны.

Катер покачнуло на короткой волне. Складка свернулась, вытянулась вдоль течения. Тело уходило под них, и казалось, что вот-вот покажется его середина, по которой можно будет наконец понять размер. Но вода потемнела, и ничего больше не стало видно.

Егор перегнулся через борт. Марк удержал кружку, которая покатилась к его ноге, и посмотрел с другой стороны: там должна была показаться остальная часть тела. Вода оставалась пустой.

— Он за нами? — спросил Егор.

— Не вижу его. К рулю вернись.

Егор вернулся, положил ладонь на управление и посмотрел на Сану. Та покачала головой. Ещё несколько минут они шли малым ходом. Марк следил за водой возле кормы, где колебался их собственный тёмный след. Только когда Сана кивнула, Егор снова добавил тягу.

К Низкому доку подошли уже под высоким солнцем.

Марк помнил два торчащих из воды крана. Теперь стоял один, без стрелы. На остатке второй опоры укрепили ветряк. Его лопасти лениво поворачивались, а под ними колыхались узкие полотнища тени от сушившихся сетей.

Фермы занимали больше места, чем он ожидал. За рядами поплавков стояли небольшие жилые платформы, навесы, две цистерны. Старая акватория не выглядела заброшенной. На одном из настилов женщина поливала зелень из чайника. Другая расстилала ткань и прижимала края тяжёлыми гайками. По воде тянулся запах варёных раковин.

Им указали место у наружного причала.

Неля Орлова ждала там, положив мокрые перчатки на столбик. Она была невысокой, с выгоревшими волосами и очень светлыми бровями. Правый глаз шурился сильнее левого. Марк сперва принял это за недоверие, но потом понял, что солнце бьёт ей сбоку.

— Кого вы первым делом ищете? — спросила она, когда он поднялся на настил. — Меня или своё железо?

— Вас.

— Тогда швартуйте нормально. Здесь прилив выберет слабину.

Егор остался у борта. Сана посмотрела на крепления, затем прошла по причалу до конца, проверяя, где проходит заборная труба.

Неля проводила Марка под навес. Там на верёвках висели сетчатые пластины с мелкими раковинами. С них непрерывно капало. Между рядами был оставлен узкий сухой проход, и Неля шла по нему, не глядя вниз.

— Вера прислала реестр, — сказала она. — Половина имущества в доле Створа. По старому договору.

— Я его привёз.

— Потом сверим. Сперва посмотри, что здесь осталось.

Она отвела один ряд сеток. За ним лежала узкая акватория, ограниченная покосившимися стенами. По воде тянулись верёвки. К некоторым крепились ёмкости с молодой; другие уходили вниз, в темноту.

У левой стенки плавали два длинных корпуса. На одном стоял лёгкий дом с зелёной крышей, на другом — насосный навес. По обводам Марк узнал секции, за которыми приехал.

— Эти подняли двенадцать лет назад, — сказала Неля. — Ремонтировали мы. Платили за долю работой и поставками. В вашем реестре это есть?

Марк развернул нижнюю часть листа. На полях было несколько плохо читаемых записей. Под одной стоял номер расчёта.

— Посмотрю по журналу.

— Посмотри. Одну секцию разрезали на набор, когда её повело. Ещё одну унесло вместе с наружным молотом. Две остались в ремонтной яме. Вон там.

Она указала между рядами верёвок.

— На какой глубине?

— Верх ближней около девятнадцати, если от сегодняшней воды. Дальняя ниже. Наружная сторона у неё открыта. С внутренней намывает ил.

Марк наклонился над краем. Вода была почти прозрачной. Внизу угадывались прямые полосы, но он не мог отделить реальное железо от его тени.

— Эти две нам нужны, — сказал он.

— Мне тоже.

Он выпрямился.

Неля не улыбалась. Её ладонь лежала на верёвке, уходившей к одному из подводных корпусов.

— На дальней держится половина наружной линии. В ближней рыба зимует. Я не говорю, что нельзя трогать. Я говорю: прежде чем трогать, придётся придумать, что будет вместо них.

— Крепление можно перенести, — сказал Марк.

— Можно. Мы заказывали. Нам прислали цену, мы её положили в ящик. Там и лежит.

Из-за сеток вышла Сана.

— Нам нужен внешний осмотр. Без отсоединения. Ваши линии не трогаем. На месте забора не работаем, пока ваши с нашими не подтвердят изоляцию.

Неля посмотрела на неё.

— Вот это можно обсудить.

После обеда «Лот» переставили к разрешённому участку. На этот раз Марк не торопил подготовку. Он перерисовал схему, отметил современную заборную трубу, фермерские растяжки и положение двух секций. Неля поправила одну линию. Егор проверил её с борта камерой на кабеле; камера показала верёвку, белую стенку корпуса и облако мути, за которым ничего нельзя было рассмотреть.

— С внутренней стороны сегодня не лезем, — сказала Сана.

Марк кивнул.

Неля спустилась в катер, чтобы остаться на связи со своими рабочими. Она села на ящик, куда утром Марк положил лепёшки. Егор осторожно вытащил свёрток из-под её локтя. Она подвинулась и попросила кусок.

Вода под фермой была прохладной. Марк прошёл мимо ровных рядов подвешенных пластин, покрытых молодыми моллюсками. Наверху они казались одинаковыми; вблизи у каждой была своя глубина тени, своя бахрома. Между пластинами двигались мелкие креветки. За пределами рядов вода опустела.

Ниже показался край старой ремонтной площадки.

Когда-то по нему ходили люди. Сохранилась полоса плитки, ровно оборванная у провала. За ней торчали ножки скамьи — только ножки, связанные тонкой перекладиной. Марк провёл лучом дальше и увидел лестницу. Она спускалась к площадке, которой больше не было. Последние ступени висели в воде.

Он обогнул лестницу снаружи. За ней лежал ближний поплавок.

Корпус был крупнее, чем помнился по рисунку. Свет скользил вдоль выпуклой стенки и уходил в белые наросты. На одном конце зиял неровный разрыв. Через него виднелись два поперечных ребра и куча раковин. Маленькая рыба входила в разрыв без спешки, по одной, будто её там считали.

— Первый вскрыт, — сказал Марк. — Торец. Внутри вода, набор повреждён.

— Приняла, — ответила Сана. — Не входи.

Он и не собирался входить, но сам факт, что она сказала это раньше него, немного раздражал. Марк снял разрыв на камеру и двинулся к дальней секции.

Между корпусами было оставлено место, достаточно широкое для работы, когда их сюда ставили. Теперь в проходе лежала металлическая решётка и несколько корзин. Марк не пошёл между ними. Обогнул ближний поплавок со свободной стороны, убедился, что линия следует за ним, и направил фонарь вдоль внешнего борта второго.

На нём не было видимого разрыва.

Это заставило его приблизиться медленнее. Вмятина у шва, ряды старых заклёпок, приваренная позже накладка. Несколько участков уже очищали. На них проступали значения толщины и даты, выбитые на маленьких пластинах. Кто-то занимался этим корпусом после последнего осмотра из Створа.

— Здесь работали, — сказал Марк.

— Спроси что-нибудь конкретное, — отозвалась Сана. В её голосе слышалось, что она смотрит на Нелю.

— Внешние замеры. Когда?

Ответ пришёл не сразу.

— Два года назад. Для новых креплений.

Марк увидел крепления чуть дальше: две широкие скобы, к которым сходились фермерские растяжки. Металл вокруг них был очищен и покрыт тёмным составом. Узлы выглядели ухоженнее самого поплавка.

В тени под нижним ребром повернулась плоская голова. Светлый глаз оставался неподвижным, хотя само тело изгибалось. Марк перестал приближаться.

Резун метнулся от металла. Марк успел отдёрнуть руку; рыба ткнулась в край камеры, дёрнула её вниз. В пальцах отдался короткий жёсткий удар. За первой головой показалась вторая.

— Резуны под ребром. Отхожу.

Он попятился в свободную воду, держа камеру перед собой. Первый сделал ещё один бросок, не достал и вернулся под корпус. На чёрной ручке остались две светлые борозды.

— Поднимись над бортом, — сказала Сана. — Линия свободна.

Марк пошёл вверх. Ему хотелось оглянуться на кабель, но он не отводил глаз от нижнего ребра, пока оно не исчезло за выпуклой стенкой. Наверху задержался, успокаивая дыхание. Ноги сами подтянулись к телу.

— Нижнее крепление не снимаю. Там гнездо.

— Оставь. К торцу поверху подойдёшь?

Он посмотрел вдоль корпуса. Верхняя кромка была открыта, дальше лежала светлая полоса воды.

— Подойду. Снизу не обхожу.

К дальнему концу Марк пошёл выше прежнего. Нижнюю скобу больше не было видно; в записи на её месте останется пробел. Чем ближе был дальний конец, тем толще становились венечники. Из трубок вытягивались тёмно-красные веера. В Створе они были бледнее. Здесь по стенке шёл ровный поток, и живые края стояли в нём почти неподвижно.

На кормовой части сохранилась верхняя ручка служебного люка. Марк расчистил возле неё маленькое место для номера, только столько, сколько требовалось прочесть знак. Известковая корка отломилась пластинкой и упала на нижний выступ.

Под ней была цифра четыре.

Марк сверился с дощечкой. При последнем осмотре четвёртая значилась исправной. Теперь дальняя сторона скрывалась под илом, сверху держалась ферма, а от нижних креплений его отогнали резуны.

— Четвёртая, — сказал он. — Снаружи разрыва не вижу. С этой стороны закончил.

— Возвращайся, — ответила Сана.

Он ещё раз посмотрел на веера. Поток отклонился, и они повернулись вслед за ним. В нескольких местах движение задержалось; там из белого известняка торчали только закрытые трубки. Марк запомнил эти пятна, не зная, имеют ли они какое-нибудь значение.

На обратном пути у лестницы появились мелкие рыбы. Они стояли в тени ступеней, все головой против течения. Марк обогнул их и направился к светлому прямоугольнику между настилами.

Когда Марк вернулся на поверхность, солнце уже ушло за остаток крана. Егор помог снять подвеску. Неля ждала, пока он освободится от маски.

— Ну?

— Четвёртая снаружи целая на вид. Нужно смотреть скрытую сторону, состояние отсеков и точки подъёма. Сегодня этого не делали.

Неля посмотрела на схему, оставленную возле пульта.

Она протянула ему кружку тёплой воды. Вода отдавала металлом и чем-то травяным; Марк выпил почти всю.

— С кем ты говоришь о переносе линии? — спросил он.

— Со всеми, кто на ней работает. И со мной. Запасное крепление мы давно хотим, только нет человека и металла. Вы привезёте и поставите — будет разговор о секции.

— За наш счёт.

— Ты собираешься увезти основание. Я не собиралась его продавать. Могу отдать тебе расчёт того, что здесь вложено, если так проще.

Марк передал кружку Егору. Тот долил воду себе, отвернувшись от разговора.

— И оценка корпуса отдельно, — сказала Сана. — Мы ещё не знаем, что у него внутри. Неля кивнула.

— На ночь оставайтесь. Ветер к вечеру будет против вас. Можете уйти, конечно, но завтра всё равно вернётесь.

Она поднялась на причал и позвала кого-то принести настил для сна.

Марк вышел на связь со Створом. Вера отвечала из шумного помещения; дважды пришлось повторить номер секции.

— Одну нашли? — спросила она.

— Одну осмотрели снаружи. Остальное пока не обещаю.

— Смету пришлётся завтра?

— После разговора с Орловой.

Вера сказала что-то человеку рядом с ней, потом вернулась к связи.

— Двенадцатый стоит на временной схеме. Наблюдаем. У седьмого ещё один узел с повреждением. Не затягивай.

Марк положил трубку.

На береговом настиле — здесь его всё ещё называли береговым — Егор ел оставшуюся лепёшку и смотрел в воду. Сана растянула карты под куском прозрачного пластика. Она уже внесла два новых крепления и современную линию забора. Рядом с четвёртой секцией оставила пустое место.

Марк сел и записал, что успел увидеть. Неля принесла вторую лампу; под первой стало слишком много насекомых. Егор спросил, откуда они взялись посреди моря, и она показала на ящики с зеленью.

Позже они поели у насосного навеса. Неля вынесла горячих моллюсков в широкой крышке, соль и короткий нож с почти сточенным лезвием. За соседним столом спорили о том, кому утром вставать на смену. Один из споривших был уверен, что уже отработал чужую ночь; второй уверял, что это была позапрошлая неделя. Они долго не могли найти книжку с записями.

Марк помог отнести пустые раковины, потом вернулся на причал. На «Лоте» хватало места для снаряжения, но спать втроём было неудобно. Ему постелили под сухим краем навеса, рядом с бухтой верёвки. Он положил куртку под голову. Над водой медленно гасли последние светлые полосы.

Где-то внизу щёлкнула растяжка. Через несколько секунд звук повторился, тише. Марк приподнял голову, прислушался. Насос работал ровно, вода тихо билась о настил. Неля прошла мимо с лампой, остановилась у края, посмотрела вниз и пошла дальше.

Марк снова лёг. У чужой фермы были свои ночные звуки, и пока он не знал, какие из них позволяют спать.

Глава 4 Под нижней галереей

Марк проснулся от воды, попавшей ему за ворот. Под навесом ничего не текло. Женщина на соседнем настиле вытряхивала мокрую сетку; ветер относил к нему мелкую пыль брызг.

— Тут спят, — сказал он.

Женщина не услышала. Он сел, вытащил куртку из-под головы и увидел, что место, которое вечером казалось свободным, уже занято ящиками. Между его ногами и ближайшим ящиком оставалось ровно столько, чтобы пройти боком.

— Доброе утро, — сказала женщина, обнаружив его. — Подвинешь это к стойке?

Марк поднялся. Она показала, за какие края брать: середина днища прогнулась, там поднимать было нельзя. В ящике лежали мокрые пластины, испещрённые мелкими серыми бугорками. Один бугорок медленно раскрылся.

— Живые?

— Все, надеюсь. Лида.

Он не сразу понял, что она представилась.

— Марк.

Они переставили ещё четыре ящика. К пятому подошла Неля с кружкой и велела оставить его в тени.

— Эта партия первой уйдёт, — сказала Лида.

— На южных ночью ремень лопнул. Воду ещё не сменили.

Лида вздохнула, развернула ящик и поставила поперёк остальных. Марк взялся было помочь, но она показала на сухой проход: там он теперь мешал.

Сана нашлась у «Лота». Она стояла в катере на коленях и пыталась достать из щели возле аккумуляторного ящика упавшую гайку. Удочка из проволоки цеплялась за всё, кроме гайки.

Марк подал ей магнитный наконечник из своей сумки.

— У меня такой был, — сказала она.

— У тебя и есть. Ты мне дала.

Сана подняла на него глаза, потом забрала наконечник. Через минуту гайка лежала у неё на ладони, чёрная от старой смазки.

Егор смотрел вчерашнюю запись. Он накрыл экран курткой и сунул голову под её край, так что с причала были видны только его ноги. Услышав Марка, он выбрался наружу и отмотал назад.

— Вот здесь я думал, сплошная плита. Посмотри наверху.

Камера медленно поворачивалась на кабеле. Тёмная полоса пересекала кадр, под ней белел борт секции. В углу на несколько мгновений появлялась зеленоватая вода.

— Разрыв в галерее, — сказал Марк.

— Если сверху переставиться, можно камеру опустить. Вчера корзины мешали.

Неля наклонилась к экрану. Волосы зацепились за пуговицу; она выругалась и высвободила прядь.

— Крайние отведём. Линию не трогайте.

Лида пошла освобождать воду. Марк связался с Верой: закончить обследование та решила, запись ждала до ужина. Возвращаться договорились утром, после отдыха.

Неля принесла акт постановки секций на хранение. Четвёртую затопили ещё до последнего осмотра из Створа; затопительные устройства оставили открытыми. Порядок работы не сохранился. Марк снял копию. До сих пор у него не было даже подтверждения, что вода попала внутрь намеренно.

К середине утра «Лот» переставили над проломом. Камера показала верх внутреннего борта. Ниже лежал ил, дальнюю часть закрывала уцелевшая площадка. За её край объектив не заглянул, сколько Егор ни менял угол.

— Вот и весь проход, — сказал он.

Марк оставил в задании открытый торец с соединительными пластинами. Там над головой была вода. Под галерею не пойдут; нижнее ребро после вчерашних резунов тоже оставят в покое.

Забор остановили и изолировали до погружения. Пока фермерский механик подтверждал это Сане, Егор проверил толщиномер. Он остался страховать, Сана заняла место у связи.

Под водой свет оказался лучше, чем вчера.

Снятые корзины оставили между рядами широкую полосу. По ней вниз проникало солнце, и в этой полосе каждая мелкая частица была видна отдельно. За её границей оставалась ровная зелёная темнота.

Марк спустился к открытому торцу. Впереди тянулась нижняя галерея — узкие края настила, несколько площадок между опорами. Дальше чернели окна старых мастерских. Из одного торчало деревце белых трубок. Оно выросло на чём-то длинном, выпавшем из проёма, и теперь нельзя было понять, была ли это труба или ножка станка.

Солнечная полоса упиралась в подоконник. На нём лежали три одинаковые рыбы. Не плавали — прижимались брюхом к камню. Когда одна сдвинулась, Марк увидел под ней широкую складку плавника. Течение приподнимало им хвосты, а головы не двигались.

— У торца, — сказал он.

— Вижу свет. Линия свободна.

Он опустился к пластинам. Между плечом и остатком галереи оставалась открытая вода; нижняя часть корпуса уходила в ил. Известковый нарост снимался неровно. Иногда отходил целой чешуёй, иногда держался так крепко, что приходилось менять положение инструмента. Под ним проступила коричневая поверхность, в мелких углублениях оставалась тёмная слизь.

Марк расчистил несколько пятен под датчик. Два дали устойчивые показания, на третьем цифры скакали. Он попробовал рядом, затем обозначил весь участок на дощечке.

— Третью без результата. Тут раковины в металле.

Сана повторила запись.

Под соединительными пластинами обнаружилась старая накладка, шире чертёжной. Марк снял её край и шов, показал камере просвет между пластинами. По этой записи можно будет сделать мерную рамку.

— Здесь усиление под балку. У вас отмечено?

Ответила Неля; Сана, должно быть, поднесла ей трубку.

— В наших работах этого нет.

Дальше борт исчезал под уцелевшей площадкой. Вдоль её нижнего края шли тонкие белые нити. Они то вытягивались, то путались, будто течение менялось отдельно для каждой. Марк увидел рядом несколько раскрытых вееров. Нити тянулись от них или только проходили рядом — на таком расстоянии он не разобрал.

Ни днища, ни того, на чём лежала секция, видно не было. Марк снял границу ила и нависающий край. Сана назвала время.

— Торец закончил. Сниму общий вид со стороны окон.

Марк повернулся. Три рыбы больше не лежали на подоконнике. Они шли прямо к нему, потом разом бросились в щель между секцией и плитой.

В окне посветлело.

Марк сперва решил, что это отражение: широкая поверхность медленно прошла за проёмом, не касаясь его краёв. Затем та же светлая полоса показалась в соседнем окне. Между

окнами оставался бетонный простенок, и длину того, что двигалось за ним, Марк смог представить только по этому промежутку.

Он перестал снимать.

— У окон движение. Ухожу вверх.

— Приняла. Выход свободный.

Марк поднялся вдоль торца, не поворачивая фонарь к окнам. Наверху белело днище «Лота». Тень Егора дважды прошла вдоль борта; днище почти не приблизилось. Марк поймал себя на том, что тянет подбородок к свету. Он опустил голову и продолжил подъём. До катера была одна вода.

На поверхности Неля спорила с лодочником из южных хозяйств. Тот хотел забирать оставленную партию сразу; она не давала поднести к катеру первый ящик. Он показывал ей новый ремень для насоса, как будто одного ремня в руке было достаточно.

Сана помогла Марку снять маску.

— Видел целиком?

— Нет. За окнами.

— Сегодня больше не идём. Неля, своим передай.

Та взяла трубку. Спор на некоторое время стих. Егор, принимая камеру, поглядывал на воду между бортом и настилом.

Позже Неля разрешила забрать половину партии. За другой лодочнику предстояло вернуться после проверки воды на южных. Он был недоволен расходом топлива; Неля тоже не выглядела довольной.

Она принесла тетрадь с прежними замерами и расчётами. Марк сверил запись о двух поднятых секциях, переписал номер расчёта и повернул экран к Сане.

— Наружные узлы есть. А что за ними внутри, так и не увидели.

Сана посмотрела кадр с краем галереи.

— К окнам на следующем выходе не идём. Найдите чертёж получше. Если можно посмотреть внутрь через верх, возьмём малую камеру.

Марк отложил старый план. Нижний подход отпадал, а через пролом они увидели лишь узкую полоску борта. Дальше над секцией висели корзины, которых Лида пока не трогала. Придётся переставлять и их.

Она подошла к ним с пустой кружкой. Марк показал свободную поперечину, куда можно было временно перевести часть корзин.

— Я берегла под сушку, — сказала Лида. — На два дня обойдёмся.

— Люди у неё заняты, — напомнила Неля. — Всё, что снимем и вернём, считать будем. Даже если корпус вам не подойдёт.

Марк кивнул. Расходы на обследование Вера ещё могла разрешить; перенос всей фермы и подъём в нынешний наряд не входили. Неля без нового основания секцию не отдаст. В её старом расчёте он узнал скобы со склада Створа.

— Часть железа привезём своего. Размеры сверю.

— Новое или ваше обычное «ещё подходит»?

— Со склада.

— Тогда посмотри. Я вечером с пайщиками поговорю.

В общей записи Марк оставил и два кадра с окнами. По ним нельзя было понять даже, двигалось ли пятно само или вода несла что-то большое внутри затопленной мастерской. Вере он отправил их вместе с актом и заключением: продолжить обследование четвёртой секции. Нижний участок на схеме остался незакрашенным.

Пока экран отправлял последнюю страницу, Лида возвращала ящики на прежние места. Марк встал ей помочь. Тот, который они утром переносили вдвоём, теперь был пуст и оказался неожиданно лёгким.

Под навесом ему снова постелили возле стойки. На этот раз Марк отнёс куртку подальше от края. Рядом стояла банка Дининых слив; он выбрал последнюю ложкой, вымыл банку и положил в сетку на катере, чтобы утром не забыть.

Глава 5 Временные места

На обратном пути Марк проспал маяк.

Он устроился за рубкой на сложенных пустых мешках, положил папку под бок и собирался только закрыть глаза. Когда проснулся, солнце грело колено через ткань. Егор стоял у руля. Сана сидела рядом с ним, придерживая край карты, чтобы его не заворачивало ветром.

— Долго я?

— Почти два часа, — сказала она. — Сейчас моя очередь.

Марк освободил мешки. Пока Сана укладывалась, он нашёл кружку, выпил уже остывший чай и встал рядом с Егором. До Створа оставалось больше часа. Впереди вода казалась пустой, но ближе к полудню в ней появились знакомые отметки: поплавок с жёлтой верхушкой, низкий плот водорослевой фермы, наконец крыши над серой линией понтонов.

За время их отсутствия у мастерских убрали длинный переход. На его месте покачивались огороженные концы досок. Привычный причал был занят баржей с ящиками, и к доку пришлось пройти с юга.

Выбравшись на настил, Марк остановился перед грузовой тележкой. Двое рабочих подкладывали под неё доску. На барже ждал мужчина в безрукавке; длинный гарпун в чехле лежал на палубе возле его сапог.

Когда тележку подтянули ближе, мужчина взялся за чугунную станину, поднял её с подкладок и перенёс на причал. Марк такие знал: в доке четверо только ставили их на ребро, чтобы пропустить стропу. Гарпунщик держал станину перед собой и ждал, пока рабочий повернёт колесо.

— Не туда. К тебе, — сказал он.

Колесо развернули. Он поставил груз, придержал, пока под край забивали клин. На левом плече вокруг вытатуированного гарпуна чернели две звезды, над ними была маленькая красная. Каждая чёрная означала сотню убитых морских тварей; красную набивали за одного левиафана — из тех чудовищ, что могли разорвать борт большого корабля. Марк видел такие же звёзды на снимках в предупреждениях о пиратах.

Кометные изменения редко давали человеку такую силу. Большинство гарпунщиков нанималось в плавучих городах вроде Кромки, где целые кварталы стояли на палубах огромных связанных между собой кораблей. Там нужны были защитники внешних стоянок и торговых судов. Этот сопровождал баржу из Кромки.

— После разгрузки сразу обратно, — сказал старший с баржи. — Нас там уже ждут.

— Тогда закажи нам обед. Я ещё не ел.

Гарпунщик вернулся на баржу и передвинул чехол, освобождая место для следующего груза. Рабочие увезли тележку. Марк прошёл следом.

Дверь общей сушильни Марк сперва не узнал. Её держали открытой два чемодана. Внутри, под штангами для одежды, стояли кровати; на ближайшей сидел мальчик и аккуратно вынимал из ботинка мокрые водоросли. Женщина за его спиной пыталась пристроить под койку длинный деревянный футляр. Футляр не проходил между ножками.

Марк остановился, собираясь помочь, но женщина подняла один конец кровати, и мальчик тут же затолкал футляр ногой. Они справились без него.

На переходе к ремонтной службе его окликнула Фаина.

— Приехал? Мне бы домой на полчаса. Дежурный говорит, с провожатым, а у них опять очередь.

— Я сначала к Вере. Потом подойду.

— После еды я буду у дочери. Она теперь дверь верёвкой привязывает, не дёргай сильно.

Фаина подняла сумку, которую ставила возле ног, и пошла в сторону столовой. Марк проводил её взглядом. Раньше она редко ходила по центральному переходу без тележки.

Вера ждала их у стеллажа с рабочими папками. На соседнем столе лежали заявления на выезд. Между заявлениями сохли две маленькие детские варежки. Кто-то повесил их на зажимы настольной лампы.

— Запись посмотрели, — сказала Вера. — Утром нашли ещё чертёж.

На обгоревшем листе сохранился разрез: четыре отсека, три перегородки. Марк сверил люки со своими кадрами. Один скрывался под илом и наклонным листом. Старая накладка у переднего узла тоже отличалась от чертежа.

Подошли расчётчица, мастер по крепежу, Егор с журналом. На вопрос о нижних опорах Марк показал незакрашенное место.

— Не видно. В иле.

Оборудование для подъёма пока не давали. Служба оплачивала следующую проверку — катер, воздух, приборы. Нелино основание предстояло считать отдельно; небольшие крепления для её подвесов можно было поставить рабочим понтоном. Для домов Створа такие не годились.

Мастер забрал ведомость на склад. Вера передала свежую сводку: трещина под накладкой на седьмом, снятая скоба на девятом. Две южные точки были исправны, но уже держали нынешнюю временную схему. Перенести на них весь город не получалось.

Марк проследил новые линии. Одна пересекала прежний лодочный проход. Поэтому убрали переход и перенесли причал.

— Людей пока не возвращаем, — сказала Вера. — Седьмой тоже частично освободили. За вещами — с провожатым.

Он перевернул лист, ища хоть небольшой запас. Каждая свободная на вид линия уже была нужна: одна для ветра с запада, другая для разгрузки соседнего узла.

Вера посмотрела на часы.

— В семь разговор в большой столовой. Будут условия от Кромки и наши списки. Приходи с тем, что сможете сделать за следующий выход.

Из коридора её позвали. Женщина в рабочем халате хотела узнать, куда записывать мужа: он находился на промысловом судне и должен был вернуться только через несколько дней. Вера попросила назвать судно и ушла с ней к связи.

Марк забрал копии. Егор отнёс прибор на проверку, Сана осталась закрывать бумаги по рейсу. До вечера требовалось привести катер в порядок и договориться, кто пойдёт в следующую смену.

У «Ивы» больше не лежал на подставках гребной вал. Мастер сидел на пустой подставке и ел из жестяной миски. Над ним, у кормы, человек в выцветшей куртке держал фонарь, направляя свет внутрь узкого отверстия.

Это был Яков Сивцев, капитан буксира. Марк знал его по голосу раньше, чем по лицу: на воде Яков всегда говорил чуть громче остальных и заканчивал сообщение без привычного вопросительного подъёма. На суше он часто не слышал обращённого к нему с первого раза.

Марк поднялся на рабочий мосток. Яков не обернулся, пока человек под кормой не попросил убрать свет.

— Вернулся? Как там наши сокровища?

— Одну секцию пока смотрим. Четвёртую.

Марк показал фотографию.

— Эту не таскал, — сказал Яков. — Те, что у них сверху, таскал, ещё до фермы. Пустые были, без домов. Боком идти любили, особенно когда ветер с кормы в четверть. За день руки отваливались.

На схеме двенадцатого Марк дорисовал секцию, оставив промежуток для соединения. Яков перевёл взгляд с бумаги на крыши понтона.

— Верхний сушильный навес снять можете?

— Хозяева должны согласиться. Часть всё равно разбирать, чтобы разгрузить.

— Он ещё и ветром мешает. На стоянке дом держат со всех сторон, в море будет разворачивать. Ты мне пока не тонны пиши. Ширину, высоту, осадку после разгрузки и где я приложу тягу.

— Со штатных узлов.

— У одного твоего штатного узла теперь пристроена кухня.

— Есть нижний доступ.

— Соединение понадобится восстановить — как человек туда на волне попадёт?

Марк обозначил боковой подход: убрать настил, сделать рабочую площадку. Яков велел показать мастерам и проверить другую сторону. На обороте листа нарисовал общую схему связи; вопросы, на которые Марк ещё не мог ответить, записали рядом.

— Ты возьмёшься?

— За подготовку — да. На буксировку сегодня ответа не дам. «Иву» после ремонта ещё не пробовал. Завтра выводим, если к вечеру нового не найдут. Потом ваша связка, путь, погода, сколько судов помогает. Я не возьму длинный караван только потому, что у меня мотор громче.

Марк сложил схему. Яков уже показывал рабочему, где оставить доступ для завтрашней проверки.

Марк прошёл вдоль одного из четырёх крыльев, вернулся в мастерскую и повесил схему секции над верстаком. Пока развешивал мокрые вещи, заметил, что насоса на столе нет. Исчезли и заготовка уплотнения, и пакет с винтами. Под прижимной доской осталась только высохшая полоска резины.

Он постоял над ней, вспоминая вечер перед выходом. Тогда нужно было закончить наряд, найти запасной кабель, получить прибор. Насос всё это время лежал здесь.

Марк убрал полоску и пошёл за Фаиной.

Дочь жила на внутреннем ряду, в комнате с кухонной пристройкой. Дверь действительно была привязана. Когда Марк осторожно потянул, изнутри крикнули, чтобы подождал.

Фаина вышла с ножницами. Она шила из старого паруса перегородку между кроватями. В проходе за её спиной стоял табурет, а на нём таз с посудой, которую здесь некуда было убрать.

— Мне занавеску надо снять, — сказала она. — Я эту ткань не прорежу. Ножницы больше ругаются, чем режут.

Он сходил к дежурному, предъявил разрешение на доступ. Их вписали в журнал и попросили вернуться до смены наблюдателей. На двенадцатом с ними оказался ещё один жилец, Арсен Круглов. Он нёс пустой ящик с широкими ручками.

У нижней ступеньки Фаины было сухо. Понтон стоял почти так же, как до аварии. Но пустые переходы меняли расстояние: от ограждения до двери они дошли неожиданно быстро, никому не уступив дорогу.

Фаина остановилась у окна и посмотрела внутрь, словно собиралась убедиться, что там никого нет.

Марк снял занавеску с колец. Ткань была выцветшей, в мелкую клетку. Нижний край когда-то надставили другой полосой. Фаина подала ему полотенце, чтобы завернуть кольца и не растерять по дороге.

Пока он снимал последние, она собрала несколько вещей из ящика стола. Ложки, старую расчёску, два карандаша. Подумала и вернула один карандаш обратно.

— Забери оба, — сказал Марк.

— Зачем?

— Пригодятся.

Она посмотрела на него и всё-таки взяла второй.

Из соседней двери вышел Арсен. Ящик уже был тяжёлым; он поставил его у лестницы и перехватил ручки.

— Инструмент? — спросил Марк.

— Счётчики. Мне три сдали до ремонта, я их здесь оставил. Теперь люди ищут.

Арсен чинил малые генераторы и приборы. У него в комнате всегда пахло нагретым лаком. Две зимы назад Марк менял ему рамку люка, потом они вместе сушили всё, что успело залиться. После того ремонта Арсен перестал держать заказные вещи на полу.

Марк взял второй край ящика. Фаина понесла занавеску и пакет.

На переходе Арсен спросил про Низкий док. Марк рассказал, что нашли одну секцию, которую имеет смысл проверять дальше.

— Под нас?

— Смотрим под двенадцатый. После разгрузки. По старому расчёту объёма может хватить, но живой корпус надо проверить.

Арсен остановился, чтобы поставить ящик на край скамьи.

— Я вчера у Веры был. В Кромке дают мастерскую на верфи. Не мою, конечно, место. И две комнаты рядом, если на первый рейс записаться.

— Поедешь?

— Тамара хочет. У неё сестра там. Я пока не знаю. Сюда только полгода назад нормальную намотку поставил.

Он подцепил ручку согнутыми пальцами, проверяя, не врежется ли край в кожу.

— Эти станки можно разобрать, — сказал Марк.

— Можно. Но там они им не нужны. У них свои.

Они подняли ящик и пошли дальше. На узком месте Фаина встала к перилам, пропуская рабочих. Один нёс длинную трубу; конец был обёрнут белой тряпкой, уже почерневшей с одной стороны.

— Вечером расскажешь нормально? — спросил Арсен. — А то все говорят разное. Одни уже буксир нашли, другие уверены, что нас здесь завтра отрежут.

— Расскажу, что есть.

Фаина ничего не спросила. Когда вернулись к дочери, она сразу расправила занавеску на кровати и попросила Марка придержать угол. Ткань не доходила до стены. Они нашли, куда передвинуть крючок, и стало хватать.

У Дины пахло варёным луком. Кухня, в которой пропали два стола, стала теснее прежнего: свободное место занимали кастрюли для выдачи еды. На крышке одной мелом было написано «Сушильня». Дина переливала туда суп из большого котла.

Марк поставил банку на полку.

— Вымыл.

— Вижу. Крышку где оставил?

Он поискал в сумке, нашёл крышку среди чистых носков и положил рядом. Дина кивнула на пустую кастрюлю.

— Эту подвинь. За ручку не бери, горячая.

Он взял сухую тряпку и передвинул кастрюлю. Дина наполнила её, отставила половник, попробовала суп прямо с маленькой ложки и поморщилась.

— Соли много?

— Нет. Лук сегодня сладкий, никак не привыкну.

Она добавила из другой банки, размешала, снова попробовала. Марк подождал.

— Я насос не сделал, — сказал он.

— Знаю. Покупатель сам собрал. Он вчера приходил.

— Там только край подрезать оставалось.

— Он ещё шток правил. Вычла работу из цены.

Марк вспомнил, как насос подклинивал возле верхнего положения. Он собирался проверить и это.

— Сколько вычла?

Дина назвала сумму. Марк достал деньги, положил их под пустую банку. Она сдвинула банку, чтобы купюры не намокли.

— Спасибо, — сказала она. — Я думала, опять за тобой ходить придётся.

— Прости. Забыл.

Дина пожала плечом и позвала в окно тех, кто должен был забирать еду. Марк помог вынести кастрюли на прилавок. Двое подростков распределили их по тележке, споря, кто повезёт передний конец.

После них на кухне вдруг стало тихо. Дина села на табурет и вытянула ноги. На одной туфле разошёлся боковой шов, через щель виднелся серый носок.

— У вас там ели хоть? — спросила она.

— Моллюсков. Лепёшки тоже съели.

— У Орловой соус хороший. Она кладёт в него сушёные листья, а какие — не говорит.

— Спрошу.

— Скажи, Дина просила. Тебе она объяснит про место, где их собирают, и больше ничего.

Марк улыбнулся. Он ел тот соус и не запомнил вкуса — только то, что хотелось ещё хлеба, чтобы подобрать остатки.

Дина сняла туфлю, загнула разошедшийся край внутрь.

— До вечера здесь посидишь? Мне бы полчаса полежать.

Он посмотрел на пустой котёл, на вымытые миски у окна. Времени до разговора в столовой оставалось достаточно.

— Посижу.

Дина показала, что выдавать тем, кто придёт поздно, где лежит сдача и кому сегодня уже дали в долг. Последнюю фамилию повторила. Потом ушла в комнату за кухней, не закрыв дверь до конца.

Марк сел у прилавка. Первый посетитель спросил, почему нет хлеба. Марк заглянул под полотенце, увидел пустой поднос и предложил лепёшку со вчерашнего дня. Посетитель взял две.

Через открытое окно была видна вода между понтонами. Снова вели длинную трубу. На этот раз Марк слышал разговор рабочих: они не могли решить, с какого конца завести её под переход. Он уже поднялся, чтобы показать, но в окно постучали ещё раз.

— Ты здесь теперь работаешь?

Марк сел обратно и спросил, что подать.

Глава 6 До следующего рейса

В большую столовую принесли стулья из трёх разных помещений. Марк узнал два из Дининой кухни: на одной спинке сохранилась полоска ткани, которой помечали расшатанный стул. Теперь на нём сидел широкоплечий мужчина и качал ребёнка на колене. Стул пока держался.

Пришли работники дока, семьи с седьмого и двенадцатого понтонов — те, кому требовалось решить раньше ближайшего ответа из Низкого дока.

Марк нашёл Арсена и сел через проход. Рядом сидела его жена Тамара, прижимая ладонями распухшую папку. Между страниц торчала жёлтая квитанция.

Фаина стояла у окна. Сана устроилась у торца стола так, чтобы видеть и дверь, и схему, которую ещё не повесили. Её волосы успели высохнуть и теперь торчали над ухом. Она приглаживала их пальцами, но волосы снова топорщились.

Вера пришла с двумя работницами учёта. Они заняли стол у стены. Одной пришлось сначала сдвинуть тарелки: ужин закончился не для всех.

— Ближайший транспорт уходит через три дня, вечером, — сказала Вера. — Это обычный рейс. Места для тех, кому трудно переезжать, и для семей из временного размещения оплачивает общий фонд. Остальные — как раньше, через кассу. Трудовой договор для этого подписывать не нужно.

Дина собиралась на следующий рейс, пятью днями позже.

Для семей, которым некуда было ехать, в Кромке согласовали места в двух общежитиях. Первый месяц оплачивали из фонда Створа; дальше требовалось платить самим. Вера развернула план жилого корпуса. Окна там были не везде.

Фаина отошла от окна ближе.

— Мы с дочерью попадём вместе?

— Если подадите одной семьёй. Но отдельную комнату я тебе не обещаю.

— А если она позже?

— Тогда здесь это укажем. Я попробую согласовать, но ответ нужен оттуда.

Фаина вернулась к подоконнику. Ей уступили стул, она не села.

Вера перешла к верфи. Договор с человеком заключали на два сезона. Жильё при верфи давали работающим и их семьям; если человек уходил, льготное проживание прекращалось после оговорённого срока. Общие станки перевозили по отдельной описи, о частных предстояло договариваться. Про багаж Вера велела спрашивать после собрания. На вопрос о ночной доплате один из мастеров показал строку в договоре.

Марк смотрел на план общежития: общие мойки, двери одна напротив другой. Представил, как Фаина снова примеряет свою занавеску, теперь уже там.

Когда дошли до семейных комнат при верфи, Тамара раскрыла папку.

— Нам вчера показали две рядом. Возле мастерских. Это остаётся?

Вера посмотрела в список.

— Если сегодня подтвердите. Я передаю имена утром. Эти комнаты держат под первый рейс; ждать следующего они не согласились.

— А место на работе?

— По Арсену ответ есть. Оно сохраняется и позже. По твоей специальности обещания пока нет.

Тамара перевернула лист.

— А подтвердить сейчас и послезавтра отказаться, если здесь получится?

— Можно. Но с подтверждением нужно оплатить первый месяц. Если не приедете, эти деньги не вернут. Я просила поддержать без оплаты до вашего отъезда, они отказали: на комнаты

очередь. Позже могут дать другие, могут сначала поселить в общем корпусе. Я не знаю, что к тому времени освободится.

Тамара посмотрела на жёлтую квитанцию.

— Это почти всё, что у нас на переезд отложено.

Арсен взял лист, хотя сумму уже знал.

— А в списке на проезд мы пока можем остаться? — спросила Тамара.

— До вечера накануне рейса. По общему жилью нужна отдельная заявка, её тоже можно подать сейчас. Там первый месяц идёт через фонд.

Тамара попросила бланк и положила его сверху, под резинку папки.

Марк почувствовал, как Арсен смотрит на него через проход. Он продолжал смотреть на Веру.

Она закончила с жильём и показала сводку по стоянке. На этот раз обошлась без подробного разбора каждого узла. Назвала освобождённые ряды, новые ограничения на грузовых площадках, порядок ночного наблюдения.

Из дальнего конца спросили, сколько ещё можно оставаться.

— На сегодняшний день временные схемы работают, — сказала Вера. — Но если придёт нагон, часть людей придётся выводить быстрее. Точного последнего дня я вам не назову. Мы готовим отъезды сейчас, пока можно выбирать рейс и спокойно грузиться.

— А дома? — спросил кто-то.

Вера посмотрела на Марка.

— Расскажи про секцию. Потом скажу, что у нас по другим понтонам.

Он встал, развернул схему на освободившемся столе. С задних рядов её было не видно. Егор, стоявший у двери, помог закрепить лист на стене между двумя окнами. На бумаге секция выглядела гораздо убедительнее, чем на мутной подводной записи: прямые линии, четыре отсека, места креплений. Марк рядом повесил фотографию торца, с белыми наростами и чёрным участком под галереей.

Он рассказал, что осталось из шести секций. Две заняты хозяйствами, одна разобрана, одна утрачена. Из двух лежащих в яме ближняя разорвана, четвертую имеет смысл обследовать дальше. Находка была одна.

— И на что одной хватит? — спросил Арсен.

— Сейчас считаем под двенадцатый. Снять тяжёлые пристройки, часть груза. У него самого отсеки сухие, корпус можно готовить. Секция даст дополнительную поддержку, если удастся её восстановить.

Сана поднялась и подошла к фотографии.

— Мы пока получили замеры вот здесь, — сказала она, показывая на светлые пятна. — Днище не видели. Внутренние перегородки ещё не проверены. На схеме четыре целых отсека, потому что так их когда-то сделали. Сколько из них можно будет использовать сейчас, мы не знаем.

— Завтра продолжим, — сказал Марк. — Чертёж нашли, доступ понятнее. Привезём измерительную рамку, посмотрим места, которые не смогли пройти с этой камерой.

— А людям оттуда что? — спросил мужчина с ребёнком. — Вы же у них из-под фермы вытаскиваете.

— Новое крепление вместо старого. Материалы и работа. Без их согласия секцию не тронем.

— Согласие есть?

— На обследование есть. На передачу корпуса — ещё нет.

С заднего ряда кто-то тяжело выдохнул. Марк видел затылок Фаины, стоявшей у окна, и наклонённую над бумагами голову Тамары.

Вера положила ладонь на край стола.

— По остальным понтонам сейчас идут обмеры и разгрузочные ведомости. Некоторые можно готовить без этой секции. С них тоже придётся снять лишнее. Ни один жилой понтон на переход пока не принят.

— Куда их вести? — спросил человек у двери.

— Возможная стоянка — Северный карман. Разрешение обследовать участок есть. Окончательного договора нет: нужно понять, сколько места нам подходит и во что обойдутся крепления. В Кромке таких мест не предлагают.

Женщина перед Марком обернулась к соседке.

— А мы уже на очистку дома записались.

— Правильно записались, — ответила Вера, услышав её. — Это подготовительная работа. Но если вам сказали, что после очистки можно сразу плыть, пришлите ко мне того, кто сказал.

Марк переступил с одной ноги на другую. На стене всё ещё висел его чертёж. Он мог снять его сейчас, уступить место ведомости других понтонов и снова выйти завтра на воду. Вместо этого вернул палец к двенадцатому.

— Нам нужны ещё два дня проверки. По четвёртой есть нормальный результат, не просто номер на ржавом железе. Если бы я не видел возможности, я бы второй раз не просил катер.

— Я не против двух дней, — сказала Вера. — Наряд мы с тобой смотрели. Вопрос, что люди будут делать за эти два дня.

— Можно не торопиться с разбором того, что потом не соберём.

— Пристройки всё равно снимать, ты сам сказал, — заметил Арсен.

— Пристройки — да. Самые тяжёлые. Но не дома целиком, не всё хозяйство. У тебя станок стоит на основном настиле. Его пока можно оставить.

Тамара закрыла папку.

— Марк, про станок я поняла. Ты нам скажи: если мы от этих комнат откажемся, дом у нас будет?

Он посмотрел на неё. На кухне у Кругловых было тесно, но Тамара умудрялась держать на стене четыре длинных ящика с зеленью. После смены Арсен сидел под ними, отодвигая листья от лица. Марк не раз видел это, когда заходил за перемотанным двигателем.

— Будет, — сказал он. — Двенадцатый выведем.

Сана перестала разглаживать лист.

— Марк.

Он повернулся к ней.

— Я говорю, что сделаю.

— Там днище в иле, Марк. Мы его не видели.

Сана повернулась к Кругловым.

— Мы можем вернуться с отказом.

Арсен кивнул, Тамара продолжала смотреть на Марка.

— Но ты считаешь, получится?

— Да. К вечеру послезавтра я дам ответ по подъёму. Не через месяц.

Вера подошла ближе к столу.

— Подождите. Даже при хорошем корпусе остаются Неля, буксиры и стоянка. Я не могу поставить семье отметку «дом перевозится» на основании того, что ты сейчас сказал.

— Я и не прошу отметку.

— А они решают про жильё.

В столовой кто-то передвинул стул. Мужчина с ребёнком встал: ребёнок уснул, его голова свесилась на локоть. Мужчина попросил пропустить и вышел, прижав маленькую ладонь к своей куртке.

Марк дождался, пока за ним закроется дверь.

— Я бы подождал эти два дня, — сказал он Арсену. — Мы не с пустыми руками туда возвращаемся.

Тамара наклонилась к мужу. Они говорили тихо, Марк слышал только отдельные слова. Арсен показал на жёлтую квитанцию. Тамара вынула её, прочитала оборот и положила отдельно от остальных бумаг.

— Это бронь на две комнаты, — сказала она Марку. — Не на койки. Мне сестра про этот корпус написала, там вода на этаже и до работы близко. Потом такого может не быть.

— Я понял.

Арсен провёл ладонью по колену.

— Давай подождём, — сказал он жене. — Если всё равно разбирать, разберём. Я ещё и со станком расставаться не хочу.

— Я тоже не хочу, — сказала Тамара. — Только потом не говори, что мы не знали.

Она вернула квитанцию в папку и подошла к работнице учёта.

Вера попросила остальных не делать из их решения общего правила. Список выезжающих продолжали заполнять. Две женщины ушли к столу сразу, ещё несколько человек остались разбирать условия договора. Один из мастеров вслух сказал, что не хочет начинать заново на пустой стоянке: в Кромке ему предложили работать на станке, который здесь десять лет собирались купить. С ним поспорили. Марк уже не участвовал в этом споре.

К нему подошла Фаина.

— Значит, мне пока кухню не продавать?

Он посмотрел на её руки. Между пальцами она крутила кольцо от снятой занавески — одно всё-таки оставила себе.

— До ответа подожди. У тебя покупатель есть?

— Есть. Ему не кухня нужна, ему печная плита. Снимет, а дальше хоть плавай, хоть нет.

— Подожди, — повторил Марк.

Фаина убрала кольцо в карман.

— Тогда я завтра ему скажу.

Она взяла со стола лист про временное жильё и аккуратно сложила. Марк ожидал ещё вопроса, но она только попросила дать ей пройти к двери.

Собрание закончилось не сразу. Люди расходились по одному, задерживались у списков, возвращались спросить про груз и детей. Егор снял со стены фотографию, оставил схему на месте: к ней подошли двое с седьмого. Они искали свои дома, хотя на листе был только двенадцатый.

Марк объяснил, где получить другие схемы. Один из мужчин спросил, почему секцию считают именно под этот понтон. Марк показал расположение доступных узлов и сказал, что оценка предварительная; следующий вариант будут сравнивать расчётчики, если корпус вообще удастся восстановить. Мужчина долго смотрел на рисунок, потом пошёл к Вере.

Сана убрала свой журнал в сумку.

— Завтра в пять, — сказала она Марку. — Егор идёт. На второй день у нас будет сменный обслуживающий от Нели, сегодня согласовали. Мне нужен его допуск до начала работы.

— Я слышал.

— Тогда утром. Я спать.

Она вышла, задержавшись в двери, чтобы пропустить женщину с подносом. Марк посмотрел ей вслед. Обычно после таких разговоров они ещё проходили вместе до катера. Сегодня Сана пошла к жилому ряду.

Марк собрал бумаги. На обратной стороне схемы Яков нарисовал запасной подход к буксирному узлу; угол листа загнулся как раз на этом месте. Он расправил его ладонью.

Вера оставалась за столом. Работницы учёта уже сводили фамилии. Тамара и Арсен стояли у другого конца, ожидая копию своего заявления.

— Яков тебе согласие дал? — спросила Вера негромко.

— Сказал, что будет готовить со мной. После испытания буксира посмотрит связку.

— А я слышала «выведем».

Марк засунул схему в папку. Она не входила: угол снова завернулся.

— Если получится корпус, остальное можно собрать.

— Можно пробовать. Но я завтра отправляю заявку на комнаты без Кругловых.

— Они сами решили.

Вера посмотрела на него, потом протянула лист со сроками.

— Связь вечером послезавтра. Даже если к этому времени ничего не будет ясно. Люди будут ждать ответа, не объяснения, почему вы не вышли в эфир.

Он взял лист.

Вера снова повернулась к работнице учёта. Та спросила, можно ли передать освободившуюся бронь следующей семье в очереди. Вера сказала, что нужно сегодня же с ними связаться: до утра осталось немного времени.

На выходе Арсен догнал Марка.

— Мне завтра начинать верхний навес снимать?

— Сначала мастер придёт с ведомостью. Не разбирай на глаз, там общие связи с соседней пристройкой.

— Ладно. А станок я тогда пока не трогаю.

Они остановились на площадке. Тамара ждала внизу, у перехода. В темноте её папка казалась белой, хотя днём была серо-зелёной.

— Послезавтра вечером, — сказал Арсен.

Марк кивнул.

В мастерской Егор уже делал рамку для замеров. На верстаке лежали тонкие рейки, лист пластика и чертёж соединительных пластин. Сам крепёж им предстояло подбирать после обследования; рамка должна была только снять расстояния в месте, куда неудобно подлезать с обычной меркой.

Марк сел напротив и взял второй карандаш. Они сверили масштаб, переставили одну отметку. Егор вырезал полосу пластика и попробовал согнуть её по нарисованному контуру. Полоса сломалась у края.

— Старый лист, — сказал он. — Ещё есть.

— Дай я.

Марк выбрал место дальше от кромки. Егор держал свет, пока он резал. Вокруг гудели знакомые станки: в доке не закончили вечернюю работу, из-под настила шёл ровный стук.

К десяти рамка была собрана. Они упаковали её между двумя досками, чтобы не погнуть в пути. Егор отнёс свёрток к остальному снаряжению и ушёл. Марк остался дописывать точки замеров на рабочей схеме.

За стеной наконец выключили шлифовальную машину. Он услышал, как по переходу кто-то катит пустую тележку. На стыке понтонов колесо стукнуло три раза, потом звук начал удаляться.

Марк поставил будильник и лёг на койку за шкафом. До катера отсюда было ближе, чем из дома. Он проверил, что папка лежит на соседнем ящике, и выключил лампу.

Часть вторая Чужой запас

Глава 7 Окна под водой

У выдачи инструмента меняли лампу. Старую уже выкрутили, новую никак не могли найти, и ночной мастер заполнял журнал при фонаре, зажатом между плечом и щекой. Марк подержал ему свет, пока тот сверял номер толщиномера.

— На этот раз с сумкой верни, — сказал мастер.

— Я с сумкой и сдавал.

— А мне принесли без. Теперь опять моя.

Он выложил футляр, пробный палец для соединительных пластин и маленькую камеру на изогнутой штанге. Егор вчера проверял её в баке: картинка хуже, чем у большой, зато головка проходила в узкие отверстия. Положение объектива сверху определяли по меткам на рукояти.

Марк расписался. Мастер забрал фонарь и сразу опустил луч к следующей строке.

На пустом наружном переходе двенадцатого горела одна лампа. Там, где раньше стояла Арсенова лодка, лежали снятые перила. Ночной обходчик у контрольной метки поднял руку, заметив Марка, и вернулся к своей записи.

«Лот» ждал у нового причала. Егор пристроил рамку вдоль борта, проложив её своей свёрнутой курткой. Сана проверила выданные футляры и забрала бумаги. На этот раз Марк не спрашивал, куда положить мешок: место рядом с аккумуляторным ящиком было его уже несколько лет.

От Створа отошли в пять. Пока шли между снастями, из домов доносились отдельные звуки: стук крышки, крик с верхнего настила, работающий впустую радиоприёмник. Потом Сана вывела катер за последний буй, и шум двигателя закрыл всё остальное.

Море было почти гладким. Далеко впереди на нём лежала светлая полоса, похожая на отражение облака. Облаков над полосой не было. Когда подошли ближе, Марк увидел в воде длинные цепочки прозрачных тел. Они изгибались вместе, и через каждое просвечивала тёмная крупинка. Между цепочками попадались пустые промежутки, ровные, будто кто-то провёл по поверхности ладонью.

Сана убавила ход и провела катер вдоль края скопления. Цепочки уходили под воду дальше, чем доставал взгляд. Ни одна не потянулась за лодкой. Через несколько минут они остались позади, а светлая полоса всё ещё тянулась в обе стороны от следа.

Егор посмотрел на мокрый нос катера.

— Дома скажут, опять ничего не снял.

— Ты снял, — сказала Сана. — Там твоё колено на половину экрана.

Он проверил запись и молча повернул устройство другой стороной. Марк отодвинул ногу, освобождая ему место.

Часа через два Сана передала Марку управление. Она села рядом, сняла мокрую перчатку и долго растирала большой палец. На костяшке была старая мозоль, которая начинала мешать после холода.

— С севера подтвердили, — сказала она. — И первую оплату прислали. Можно наконец менять второй аккумулятор.

— Начало прежнее?

— Да. Через четыре недели уже там. Сначала дальние фермы, потом обратно вдоль гряды. Шесть недель, если они все свои места откроют вовремя.

Марк посмотрел на указатель курса.

— С кем идёшь?

— С Ритой. Второго водолаза они дают на месте. Рита этот ход знает, я с ней за топливо спокойнее.

Он знал Риту по ремонтам. У неё был неприятный обычай приезжать с двумя одинаковыми деталями, одну из которых она уже успела починить сама. На неисправной после этого приходилось сначала искать первоначальную поломку, потом её исправления. Зато отремонтированные вещи у неё работали долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.